

© 2005 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК, Е. В. ТОРОПОВА, В. Л. ЯНИН

**БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ РАСКОПОК 2004 г.
В НОВГОРОДЕ И СТАРОЙ РУССЕ***

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Новгороде и Старой Руссе в археологическом сезоне 2004 г.

Раскопки 2004 года в Великом Новгороде и в Старой Руссе принесли небольшое число новых берестяных грамот — всего пять. Но из них три представляют собой выдающиеся находки — это целые, относительно большие, безусловно сохранившиеся документы чрезвычайно интересного содержания, проливающие свет на ряд типовых ситуаций в повседневной жизни древней Руси и дающие новый ценный материал для истории русского языка.

НОВГОРОД

В Новгороде на Троицком раскопе продолжались работы на 13-м участке (руководитель работ А. Н. Сорокин) и на 14-м участке (руководитель работ А. М. Степанов). Здесь пройдены напластования середины XII века и найдено три грамоты (№ 951–953).

В истекшем сезоне доведены до конца работы на открытом в 2002 г. Никитинском раскопе (руководитель работ Г. Е. Дубровин). Напластования культурного слоя доходили здесь до уровня XIII в., но берестяных грамот на этом раскопе больше не было.

Из трех найденных в этом сезоне в Новгороде берестяных грамот две представляют собой лишь мелкие фрагменты и в настоящую предварительную публикацию не включены.

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

Грамота № 952. Троицкий раскоп. Целый документ из шести строк; он содержит два разных письма, написанных, однако, одним почерком.

Предварительная стратиграфическая оценка: середина – вторая половина XII века. Внестратиграфическая оценка: 1140-е – 1170-е гг.

Ѡ радъка къ отьцьви покланание товариць есьмо посълалъ
смольнскоу а поутилоу ти оубили а хотать ны ати въ фомоу
сѣ вацьшькою а мѣльва заплатите четъри съта гривьнѣ
или а зовите фомоу сѣмо пакы ли да вѣсадимо въ въ погрѣбо
и покланание Ѡ вацьшькѣ къ лозорьви послалъ есмь конь
юковоуцько а самъ есмь доспѣль

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 03-04-00109а) и INTAS (проект № 03-51-3867). Экспедиционные работы в Новгороде и Старой Руссе поддержаны проектами РФНФ № 04-01-18010е, 04-01-18106е.

В предпоследней строке **ПОКЛАНАНИЕ** переправлено из **ПОКЛАНАЮ ТИ СА**, а именно, аккуратно заштрихованы буквы **ЮТИСА**, после чего выписано **НИЕ**. Ясно, что писавший закончил первое письмо этикетной формулой 'и кланяюсь тебе'. Но когда он начал записывать второе письмо (что могло произойти и не сразу), он, по-видимому, сбился, приняв уже стоящее в тексте **ПОКЛАНАЮ ТИ СА** за написанное с ошибками **ПОКЛАНАНИЕ**, и произвел соответствующее исправление (менее вероятно, что он сознательно решил переделать заключительную формулу первого письма в начальную формулу второго).

Перевод: 'От Радка поклон отцу. Товарец я послал в Смоленск. А Путилу-то убили. А нас с Вячешкой хотят арестовать за Фому, говоря: "Заплатите четыреста гривен или же зовите сюда Фому. Если же нет, то всадим вас в погреб"'.
И поклон от Вячешки Лазорю. Я послал коня вьючного, а сам готов (приготовился)'.
Адресат второго письма — возможно, тот же, что и адресат первого (т. е. отец Радка).

В грамоте отразилась драматическая ситуация, представляющая чрезвычайный интерес. Группа новгородцев — Радко, Вячешка (Вячеслав), Путила и еще какие-то лица (возможно, их слуги или домочадцы) — прибыли в чужой город со своим товаром. Здесь у них возник конфликт с кем-то из местных людей, в ходе которого Путила был убит. Остальных же не выпустили из города, хотя в момент написания данного письма они еще не арестованы — арестом им только угрожают.

Речь явно идет о так называемом "рубже" — конфискации имущества (или штрафе) за вину третьего лица, происходящего из того же города, — в данном случае некоего Фомы. При этом, правда, требуемая от авторов сумма невероятно велика: если речь идет о гривнах кун, то это около 20 кг серебра, если о гривнах серебра — то около 80 кг. Возможно, сумма названа без расчета на реальную выплату, а просто как средство давления или устрашения (ср. в этом отношении берестяную грамоту № 30 из Старой Руссы, где автор угрожает адресату неправдоподобно большим штрафом в сто гривен в случае, если тот не доставит два воза сушеной рыбы).

Автору письма Радку удалось, однако, переправить свой товар в другой город (в Смоленск). Об успехе такого же рода пишет и второй автор (Вячешка): он отослал вьючного коня — очевидно, с грузом.

Авторы сообщают о постигшем их бедствии в Новгород — видимо, рассчитывая на то, что новгородцы смогут им как-то помочь в их положении.

Слово *товарьць* древнерусским словарям неизвестно, но смысл его ясен: это уменьшительно-ласкательная форма от *товарь*, несущая, судя по контексту, тот же фамильярный оттенок, что и *товарец* в современном языке.

В выражении *ати въ Фомоу* предлог *въ* выступает в значении 'за вину' — как в выражениях типа *рути кого (А) въ кого (В)* 'подвергнуть лицо А конфискации имущества за вину лица В' (см. [НГБ VIII: 168–174]).

Во фразе *а хотать ны ати въ Фомоу съ Вацьшькою* роль Вячешки еще неясна: в принципе можно понимать эту фразу как 'хотят нас арестовать за вину Фомы и Вячешки' или как 'хотят арестовать нас с Вячешкой за вину Фомы'. Но дальнейший текст уже ясно свидетельствует в пользу второго понимания.

Местоимение *ны* (множ. число), а не *на* (двойств. число), в этой фразе показывает, что угроза ареста распространяется не только на Радка и Вячешку, но и на каких-то сопровождающих их людей (возможно, слуг или домочадцев).

Мльва формально может быть причастием (деепричастием) или словоформой 3-го лица множ. числа презенса. Но нормам древнерусского синтаксиса несомненно больше соответствует первое. Ср. фразу *а хотать ны ати ...*, а *мльва* с такими од-

нозначными с данной точки зрения фразами, как, например: *оже оно поехало проце, а река тако* (берестяная грамота № 531); *а еще мене зазва(ль) ..., а рка такъ* (№ 697); *или иметь и, а река тако* (Правда Русская, ст. 85); *и одариша князь роусьскихъ, а рекоуче тако* (НПЛ [1224], л. 97); *оже жены наиболѣ кланяются въ соуботу до земля, тако молва* (Вопрошание Кириково, ст. 9). То же и с глаголами других семантических групп, например: *а како досъво буду, а борьць оставиво* ‘я, как только управлюсь, приеду, оставив [вместо себя] сборщика’ (берестяная грамота № 68).

Добавим к этому, что при интерпретации *мльва* как презенса пришлось бы признать присутствие в одной и той же фразе словоформ 3-го лица множ. числа с *-ть* (*хотать*) и без *-ть* (*мльва*), при том, что никаких семантических оснований для такого различия в данном случае нет.

Признав *мльва* причастием, мы должны констатировать, что оно не согласовано в числе со сказуемым *хотать*. Тем самым перед нами один из самых ранних примеров несогласованного причастия в оригиналах (а не списках) древнерусских текстов.

Отметим *или а* ‘если же нет, то’, где *или* еще сохраняет свою древнейшую способность играть роль целого предложения (‘а если дело обстоит иначе’). Практически то же значение, что *или а*, имеет и *пакы ли да* в продолжении той же фразы.

Отметим *-ите* в императиве *зовите* — один из ранних примеров древненовгородского диалектного окончания в данной форме.

Значительную трудность составил анализ отрезка *коньюковоуцько* в последней фразе, где неочевидно даже словоделение. Из разных гипотетических интерпретаций этого отрезка безусловно предпочтительной оказывается следующая: это словосочетание *конь юковоуцько*, где второе слово — это сложное прилагательное *юк-о-вуч-ьк-ъ* (В. ед. муж.), являющееся определением к слову *конь*.

Элемент *юко-* здесь принадлежит слову *юкъ* ‘вьюк’, встречающемуся, в частности, у Афанасия Никитина (см. [Срезн., III: 1626]) и сохранившемуся в архангельских говорах (см. [Даль, IV: 667]); известно также древнерусское производное *ючьнии* ‘вьючный’ (*товара ючного* — Лавр. [1295], л. 171). Фонетический вариант *юкъ* непосредственно соответствует своему тюркскому первоисточнику (*jūk*), см. [Фасмер, I: 373] (статья *вьюк*), тогда как современное *вьюк* — результат позднейшей адаптации иноязычного слова с созданием “русскообразного” начала, сходного с *вью*, *вьюга* (ср. такой же эффект в простонародном варианте *вьюноша* у слова *юноша*).

Элемент *вуч-*, очевидно, представляет собой корень *выч-* с таким же переходом *вы > ву*, как в *вудра* из *выдра* в берестяной грамоте № 713 или *буть* из *быть* в № 68 (см. [ДНД₂, § 2.35]). Другой теоретически возможный вариант состоит в том, что *вуч-* — это корень *уч-* с протетическим *в*. Но по смыслу корень *выч-* (ср. *выкнуть*, *привыкнуть*, *привычка*) здесь уместнее, чем *уч-* (*учить*, *учиться*). В самом деле, прилагательные с суффиксом *-ьк-* (*-ьк-*) в большинстве случаев означают свойство субъекта непереходного глагола (часто возвратного), например: *зябкий* (‘который зябнет’), *пылкий* (‘который пылает’), *качкий* (‘который качается’), *вѣрткий* (‘который вертится’) и т. п. (Заметим, впрочем, что для установления смысла слова *юковучькыи* между корнями *выч-* и *уч-* большой разницы нет, что неудивительно, поскольку с исторической точки зрения это просто алломорфы одного и того же корня.)

Все слово в целом имело, таким образом (до перехода *вы > ву*), вид *юк-о-выч-ьк-ыи* ‘вьючный’ (букв. “вьюкопривычный”). Оно построено в точности по той же модели, что, например, современные *труд-о-ём-к-ий*, *огн-е-стой-к-ий*, *вод-о-стой-к-ий*, *яйц-е-нос-к-ий*, *дальн-о-зор-к-ий* и т. п. Использование в данном контексте краткой формы (*юковучькъ*) вполне соответствует древнерусскому узусу: ср. *конь полоубоувь* (в берестяной грамоте № 735), *конь рыжь* и т. п. (в актах), *конь блѣдь* (в Апокалипсисе).

Слово *доспѣти* многозначно (см. [Срезн., I: 710, Слов. XI–XVII, 4: 331], а также [СРНГ, 8: 142]); наиболее подходящим к контексту представляется значение ‘приготовиться, изготавиться, быть готовым’. Ср. в Повести временных лет (в эпизоде с поиском богатыря для единоборства с печенегом): *и наутриѣ придоша Печенѣзи, почаша звати: нѣ ли мужа, се нашь доспѣль* (Лавр., под 992 г., л. 42 об.; в Радзивилловском и Академическом списках *се нашь готовь*). Очевидно, Вячешка сообщает Лазарю о том, что ему удалось послать коня с грузом и он сам приготовился к побегу.

СТАРАЯ РУССА

В 2004 году были продолжены археологические исследования в Старой Руссе на Пятницком раскопе (площадь 220 кв. м), расположенном на территории древнейшего городского конца Середка. Общая мощность культурного слоя на этом участке составляет более 6,5 м. В этом сезоне изучены культурные напластования 9–11 пластов (глубина 160–220 см). Исследования выявили, что в раскоп вошли фрагменты двух усадебных комплексов — “усадьба А”, к северу от межусадебного частоккола, и “усадьба Б”, к югу. Берестяные грамоты №№ 39 и 40 были обнаружены “на усадьбе А” на глубине 220 см на территории, свободной от жилой и хозяйственной застройки. Стратиграфические наблюдения позволяют предварительно датировать культурные напластования этого уровня последней четвертью XIV века.

Грамота № 39. Пятницкий раскоп, участок А. Целый документ из восьми строк (между пятой и шестой строкой вставлено, более мелкими буквами, еще три слова).

Предварительная стратиграфическая оценка: последняя четверть XIV века. Вне-стратиграфическая оценка: 1380-е – 1410-е гг.

поклонъ ѿ грорѣи ермоу
и ѡзѣкъю . посласмь к тобѣ
шесть боцекъ вина . какъ
палѣцѣ хвати и ты то ѡ
смотри горазно а продаи какъ
  ли то продае
и тѣ по тому же и ты то ѡшли
а моимъ роб[ѣ]-амъ не давай
серебра пошлѣи з доугомъ

Грорѣи — явно описка вместо *Григорѣи* (пропуск букв *иг*).

В последнем слове грамоты надстрочное *л* реально находится над *д*; но древние писцы обычно и не считали нужным ставить надписанную букву строго над ее местом в слове.

Перевод: ‘Поклон от Григория Ермоле и Озекею. Я послал тебе шесть бочек вина, [уровень] — как палец достанет, так что ты это хорошенько проверь. А продай как и те, на тех же условиях; а продал — так ты это [полученное] отошли. А моим ребятам (?) денег не давай — пошли вместе с долгом’.

Как и во многих других берестяных грамотах, автор, указав двух адресатов, в тексте уже обращается только к одному из них — очевидно, первому.

Об импорте в Новгород вина, доставляемого ганзейскими купцами, было известно из традиционных письменных источников. В берестяной грамоте вино упоминается впервые. Грамота была найдена 26 июля, в день празднования находки берестяной грамоты № 1, и упоминание в ней шести бочек вина было с большим энтузиазмом встречено собравшимися на праздник.

С лингвистической точки зрения необычайно интересна словоформа *посласмь* ‘я послал’. Из берестяных грамот мы уже знаем, что в древнерусском языке существо-

вала особая, ранее неизвестная форма прошедшего времени — так называемый безэлевный перфект (см. [ДНД₂, § 3.39]). Она отличается от обычного перфекта тем, что вместо *l*-причастия в ней выступает форма без конечного *л*, равная основе инфинитива (*вза, посла, отда*), например: *вза ксме* (№ 482), *посла кси* (№ 99), *кси ѡдода* (№ 311). Как и в обычном перфекте, присутствует (по крайней мере, в 1-м и 2-м лицах) связка, причем, как видно из примеров, она в принципе может стоять как после глагольной формы, так и перед ней.

Но в данной грамоте первый раз в истории русского языка зафиксирован безэлевный перфект в слитной форме: *посласмь*. Такое образование явно сходно с польским прошедшим временем типа *poslatem* ‘я послал’, с тем, однако, отличием, что в состав польского *poslatem* входит обычное *l*-причастие, а не его усеченная форма. Таким образом, мы узнаем из данной грамоты, что в северо-западном регионе складывалась особая слитная форма прошедшего времени, не получившая, однако, дальнейшего развития в связи с общим угасанием древненовгородского диалекта. (Осторожность требует, правда, признать, что, пока в нашем распоряжении имеется всего один пример, нельзя исключать и простой пропуск буквы *к* на письме; но ввиду сходства с польским эта версия представляется маловероятной. Разрешить эту проблему должны новые находки берестяных грамот.)

Один из адресатов носит редчайшее имя *Ѡзѣкѣи*. Это народная адаптация библейского имени *Езекия* (греч. Ἐζεκίας): начальному греческому *ε* закономерно соответствует русское *о*; все имя переведено из женского морфологического рода в мужской (как *Еремѣи* из *Иеремия*, *Захарѣи* из *Захария* и т. п.). Конечное *-ѣи* — такое же, как, например, в *Еремѣи*, *Олекѣи* и др. (хотя в таких случаях обычно имеются и варианты с *-и*). Но для первого *ѣ* в имени *Ѡзѣкѣи* специальных оснований нет; здесь проявилось просто общее пристрастие писавшего к букве *ѣ*, которое обнаруживается также в написании *палѣѣѣ* и, возможно, в *роб[ѣ]-амь* (см. ниже).

В написании *палѣѣѣ* оба ятя (или по крайней мере первый) выступают как замена для *е* или *ь*. Возможны интерпретации: *палець* (обычный И. ед.), *пальце* (И. ед. с окончанием *-е*, как в примерах типа *Нездильце* [см. ДНД₂, § 3.8]), *пальѣѣ* (В. мн.); предпочтительны первые две (но для выбора между ними нужных данных нет).

Слова *какѣ палѣѣѣ хвати* (‘как палец ухватит [достанет]’) наглядно показывают, как проверялась полнота бочки: вынимали затычку в крышке бочки и проверяли, достанет ли палец до уровня жидкости. Автор подчеркивает, что посланные им бочки — полные, и требует тщательно проверить, не произошло ли убыли вина в пути.

Этот пассаж дает ключ к решению одного донныне не решенного вопроса из истории значений русских слов: каким образом слово *хватит* (т. е. ‘схватит, ухватит’) со временем получило также значение ‘достаточно’, ‘enough’, не имеющее, на первый взгляд, с исходным значением ничего общего? Грамота наглядно показывает, как проблема “достаточно или недостаточно” может сводиться к тому, схватит ли рука (палец, инструмент) находящийся на некотором расстоянии предмет (или поверхность). Ср. также примеры из Даля [IV: 544]: *шест не хватает дна; шест берега не хватит*. Очевидно, именно из таких измерений родилась возможность на вопросы типа *Полна ли уже бочка? Не надо ли еще долить?* отвечать словами *Уже хватит!* или просто *Хватит!* Это легко приводит к переосмыслению *хватит* как ‘достаточно’, после чего уже открыта дорога для сочетаний типа *мне хватит* (которые ранее, разумеется, были невозможны).

Заметим, что и слово *достаточно*, означающее то же самое, имеет сходную семантическую историю: оно прозрачным образом связано с глаголом *достать* в значении ‘дотянуться’, ‘суметь прикоснуться’.

По тому же — хорошо известное из более поздней деловой письменности выражение, означающее ‘на тех же условиях’ (т. е. ‘из того же расчета’, ‘по той же цене’ и

т. п.). Слова *продаи какъ и тѣ по тому же* ясно показывают, что автор и адресаты совершают данную торговую операцию не первый раз.

Написав фразу *а продаи какъ и тѣ по тому же, и ты то били* ‘а продай как и те, на тех же условиях, и [затем] ты это [полученное] отошли’, автор решил ее уточнить и вписал слова *ли то продале*. Судя по слову *ли*, это не начало отдельной фразы, а вставка в уже имеющуюся фразу — явно после слов *по тому же*. Но с формальной точки зрения это значит, что несколько изменилось членение всей фразы (хотя сам автор мог этого и не осознать), а именно, получилось: *а продаи какъ и тѣ; по тому же ли то продале, и ты то били* ‘а продай как и те; если же ты на тех же условиях это продал, то ты это [полученное] отошли’. Крайне сомнительно, однако, чтобы автор в самом деле решил требовать полученную сумму только в том случае, если вино продано на тех же условиях. Скорее всего он просто хотел добавить к первоначальному тексту слова, означающие ‘как продашь’, но выполнил это не вполне удачно, а перередактированием всей фразы в целом не занимался. (Подобные случаи, когда правка текста приводит к некоторым синтаксическим нестыковкам, иногда встречаются и в других берестяных грамотах.)

Интересно отметить, что словоформой *продале* обозначено событие, которое еще никоим образом не могло произойти к моменту написания письма. Такое употребление возможно и в современной разговорной речи, например: *Отправляйся на рынок и продай; а как продал, вернешься сюда*.

Трудное место составляет *роб[ѣ]-амь* в предпоследней строке. Из-за дырки в бересте здесь неясны две буквы. Судя по сохранившимся элементам, четвертая буква — *ѣ* или, может быть, *ь*; пятая — *т*, *ч* или *ц*. Хотя эти утраты столь незначительны, надежной конъектуры здесь, как это ни поразительно, нет. Наиболее вероятно все же, что в тексте стояло *робѣтамь* — вместо *робѣтамь* ‘ребятам’, ‘слугам’ (-*амь* вместо -*омь* в этот период уже вполне возможно); но *ѣ* здесь не удастся объяснить ничем, кроме прямой ошибки (или совершенно неумеренного пристрастия автора к этой букве). Другая возможность — *робѣцамь*, с *ѣ* вместо *ь*, или *робѣцамь* (или такие же варианты с *ч*, а не *ц*); такое слово в принципе могло бы означать ‘холопишкам’ (или что-то близкое), но никаких его следов обнаружить не удастся.

Грамота № 40. Пятницкий раскоп, участок А. Целое письмо из шести строк. Написано очень уверенной рукой, устойчивым почерком. Буквы глубоко врезаны в бересту, так что документ внешне напоминает надписи, вырезанные на медных пластинах.

Предварительная стратиграфическая оценка: последняя четверть XIV века. Внестратиграфическая оценка: последнее 20-летие XIV века.

поклонъ ѿ оксини і онани к родивонѣ
ну і сестри моєі татиани пойдите в г
ородъ к сеі недили давати ми доци а се
стри моєі приставницать а азъ ѿ
сподину своєму родивону і свої сестри
моєі много целомъ бую

В предпоследней строке в слове *своему* после *сво* зачеркнуто *в*. В этой же строке написано *своі* (вместо *свокі*) *сестри*; заменой этого ошибочного *своі* служит *моєі* в следующей строке (но *своі* оставлено незачеркнутым).

Перевод: ‘Поклон от Оксиньи и Онании Родивону и сестре моей Татьяне. Поезжайте в город к этому воскресенью: мне выдавать дочь, а сестре моей быть распорядительницей. А я господину своему Родивону и сестре моей челом бую’.

Оксинья и ее муж Онания обращаются к Родивону и его жене Татьяне — сестре Оксиньи. По-видимому, Оксинья и Онания живут в Новгороде, а Родивон и Татьяна — в Русе. Родственники должны приехать на свадьбу в город, т. е. в Новгород.

Письмо имеет ряд общих черт со знаменитой грамотой № 731 — посланием от Янки с Селятой к свахе Ярине. В обоих случаях речь идет о свадьбе сына или дочери авторов; в обоих случаях реальным автором является мать и она называет себя первой, но все же формально включает в число авторов и своего мужа (который в дальнейшем тексте уже никак более не упоминается); в обоих случаях в основном тексте письма говорится не “мы”, а “я”, и это “я” принадлежит матери.

Письмо состоит из трех частей почти одинаковой длины: 1) адресная формула; 2) само сообщение, т. е. собственно письмо; 3) заключительная формула вежливости. Собственно письмо чрезвычайно лаконично: *Поидите в городъ к сеі недилі: давати ми доци, а сестри моі приставницать.*

В документе *ѣ со стопроцентной последовательностью реализуется в виде *и*.

В орфографии отметим, в частности, строгое различие *и* (после согласной) и *i* (после гласной), а также написание одиночного *и* вместо двойного.

В указанных условиях словоформа *поидите* оказывается двусмысленной: она может воплощать как *поидите*, так и *поѣдите*. Вопрос решается тем, что, согласно наблюдениям А. А. Гиппиуса, в качестве немаркированного обозначения для передвижения из одного города в другой глагол *поити* употребляется лишь в древнейший период (по XIII век включительно); позднее в этой роли выступает уже *поѣхати*. Тем самым в данном тексте следует предполагать *по(ѣ)дите*.

Фраза *давати ми доци* означает ‘мне [предстоит] выдавать дочь’. *Давати* (в матримониальном смысле) как синоним для *выдавати* известно; ср. *своіхъ дочереі не давати за нихъ ни оу нихъ поімати* (Паисиев сборник, см. [СДРЯ, II: 419]).

Доци (= *дочи*) — именит. падеж (в отличие от винит. *дочерь*); таким образом, в грамоте представлена северновеликорусская конструкция типа *трава косити, вода пити* — с той особенностью, что здесь в ней участвует существительное не *а*-склонения, а консонантного склонения. Это важный новый факт для исторического синтаксиса русского языка.

Слово *приставничать* встречается в древнерусских памятниках, насколько можно судить, впервые. В грамоте этим глаголом обозначена та роль, которую на свадьбе предстоит играть Оксиньиной сестре Татьяне — тетке невесты. Установить смысл этого глагола помогают данные этнографии, из которых явствует, что на русской свадьбе действовала распорядительница, выбиравшаяся из числа ближайших родственниц невесты (кроме матери).

Значение ‘распоряжаться’, ‘быть распорядителем’, которое устанавливается тем самым для слова *приставничать*, явно производно от *приставъ* и *приставникъ*. У обоих этих слов первоначальное значение — ‘лицо, приставленное к чему-либо или к кому-либо (для надзора, охраны и т. д.)’, откуда далее уже просто ‘надзиратель, распорядитель, начальник’. Ср. также *приставничество* ‘управление (домом, хозяйством’, ‘опекунство, попечительство’ [Слов. XI–XVII, 20: 30].

Отметим различие между инфинитивом *приставничать* (с *-ть*) и *давати ми* (с *-ти*). В рассматриваемую эпоху, вообще говоря, существовало и простое варьирование форм с *-ти* и с *-ть* (см. [ДНД₂, § 3.34]). Но в данном случае видна и дополнительная причина такого различия: словоформа *приставничать* стоит на конце фразы, а словоформа *давати* входит в состав тактовой группы (“фонетического слова”) *давати ми*, т. е. слог *-ти* “защищен” здесь энклитикой *ми*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вопрошание Кириково — Вопрошание Кириково // Русская Историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1908.
- Даль — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- ДНД₂ — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- НГБ VIII — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Правда Русская — Правда Русская. Т. 1–3. М.; Л., 1940–1963.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. М., 1988–.
- Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.